

**1 БӨЛІМ. ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ
РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
PART 1. CURRENT ISSUES OF LINGUISTIC RESEARCH**

УДК 811.512.122'23

МРНТИ 16.31.02

<https://doi.org/10.48371/PHILS.2026.3.82.001>

**АНГЛИЦИЗМЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
КАЗАХСКОЙ МОЛОДЁЖИ: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ И
ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НИШИ
(ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ)**

Абаева М.Қ.¹, *Хабиева А.А.², Исалиева А.А.³

^{1, *2} Институт языкознания имени А. Байтурсынулы, Алматы, Казахстан

³ Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени
Жангир хана Уральск, Казахстан

Аннотация. Интенсификация англо-казахского языкового контакта в условиях цифровизации и политики трёхязычия делает актуальным вопрос о степени укоренённости англицизмов не только в узусе, но и в языковом сознании носителей казахского языка. Цель исследования – установить объём, стратегии освоения и лингвоэкологические ниши англицизмов – слов английского происхождения – в языковом сознании казахоязычной молодёжи. Научная значимость работы состоит в переносе анализа адаптации заимствований с текстового материала на ассоциативно-вербальную сеть; практическая значимость определяется применимостью результатов в терминологическом планировании и языковой политике. Материалом послужил казахский ассоциативный словарь (1 000 стимулов, 556 543 реакции; респонденты 17-25 лет). Методология включает выявление англицизмов по первоисточнику слова (независимо от языка-посредника), подсчёт частоты реакций, распределение единиц по тематическим сферам и по времени вхождения, а также анализ конкуренции заимствованных и казахских наименований. Выявлено 766 англицизмов; суммарно они употреблены респондентами 5 952 раза, что составляет 1,06% всех реакций словаря. Установлено противоположное устройство двух способов написания: слой в латинской графике охватывает 83% разных слов, но лишь 15% словоупотреблений, слой в кириллице – 17% разных слов и 85% словоупотреблений; 71,7% укоренённого слоя сосредоточено в трёх модернизационных доменах; 34,3% стимулов полностью свободны от англицизмов; в конкурентных парах (*галамтор* – *интернет*, *кәсіпкер* –

бизнес) плановый термин ассоциативно опирается на заимствование. Вклад исследования – двухступенчатая модель освоения англицизма языковым сознанием и измеримое определение лингвоэкологической ниши как доли англицизмов среди реакций на стимул. Результаты применимы в терминографии, языковом планировании и лингводидактике.

Ключевые слова: англицизмы, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ментальный лексикон, лингвоэкология, экологическая ниша, адаптация заимствований, казахский язык, молодёжь, языковое планирование

Введение

Современная языковая ситуация Казахстана характеризуется наложением двух контактных векторов: исторически сложившегося русского канала и стремительно расширяющегося английского, поддерживаемого цифровой средой, образовательной политикой трёхязычия и глобальной массовой культурой. В лингвоэкологической перспективе, восходящей к концепции экологии языка Э. Хаугена [1] и развитой в современной эколингвистике [2; 3], соотношение исконных и заимствованных единиц рассматривается как диагностический показатель состояния языковой системы, а зоны концентрации заимствований – как участки контактного давления, требующие мониторинга.

Уточним ключевые понятия. Под англицизмом в работе понимается слово, первоисточником которого является английский язык, – независимо от того, пришло ли оно в казахский напрямую или через русское посредство. Под языковым сознанием понимается та часть внутреннего словаря носителя, которая доступна наблюдению через ассоциативный эксперимент, – совокупность слов и устойчивых связей между ними. Наконец, под лингвоэкологической нишей понимается позиция, которую заимствование занимает в ассоциативном окружении конкретного слова-стимула: заполняет ли оно пустое место, где у казахского языка не было собственного наименования, или конкурирует с существующим казахским словом. Такое понимание позволяет говорить о состоянии лексической системы не метафорически, а в измеримых величинах.

Англицизмы в казахстанском коммуникативном пространстве изучены преимущественно на материале узуса. Показано, что английские заимствования прочно вошли в повседневную речь казахстанской молодёжи, а их привлекательность связывается с модой, экспрессивностью и цифровой средой [4]; описана их роль в формировании языковой картины мира молодого поколения [5]; исследовано функционирование современных англицизмов в медиатекстах и их лингводидактический потенциал [6]. Механизмы адаптации заимствований, разработанные в классической контактологии [7], применены к казахскому материалу: на материале терминосистемы бизнеса выделены адаптированные, частично адаптированные и неадаптированные англицизмы и отмечено, что при конкуренции заимствования с термином, созданным средствами родного

языка, приоритет в функционировании обычно получает исконный вариант [8]; на материале речевых инноваций молодёжи в социальных сетях описаны изменения графического и фонетического облика англицизмов и их словообразовательная активность [9]. Установлено также, что контактное давление на казахский лексикон не ограничивается английским каналом: новые заимствованные религиозные номинации способны вытеснять исконные слова из употребления [10].

Вместе с тем все перечисленные работы опираются на тексты, анкеты и медиаматериалы, то есть фиксируют внешний, узуальный контур заимствования. Вопрос о том, насколько англицизмы укоренены во внутреннем лексиконе носителя – в ассоциативно-вербальной сети, отражающей языковое сознание [11; 12], – для казахского языка до последнего времени не мог быть поставлен из-за отсутствия современной эмпирической базы: казахская ассоциативная лексикография после словаря Н.В. Дмитриук [13] не пополнялась четверть века. Выход казахского ассоциативного словаря [14] снял это ограничение. На его материале на предшествующем этапе нашего исследования была установлена общая картина заимствованного пласта языкового сознания казахской молодёжи: заимствования составляют 7,36% всех реакций, причём на слова, пришедшие через русский язык, приходится 96,2%, на прямые англицизмы – 3,8%. Однако английский слой рассматривался там суммарно, без анализа стратегий его освоения, внутреннего расслоения и распределения по понятийным зонам.

Цель настоящей статьи – выявить объём, стратегии адаптации и лингво-экологические ниши англицизмов в языковом сознании казахоязычной молодёжи. Достижение цели предполагает решение четырёх задач: (1) установить состав и частотные характеристики англицизмов в ассоциативно-вербальной сети; (2) описать графические и морфологические стратегии их освоения; (3) определить распределение английского слоя по времени вхождения и по тематическим сферам; (4) оценить конкуренцию англицизмов с исконными и специально созданными казахскими наименованиями – то, что мы называем лингвоэкологическими нишами.

Исследовательская гипотеза состояла в том, что английские заимствования распределены в языковом сознании казахской молодёжи неравномерно: наиболее высокая степень их интеграции ожидалась в понятийных областях, связанных с цифровыми технологиями, интернет-коммуникацией, бизнесом и современной массовой культурой, тогда как ядро национально-культурной картины мира должно сохранять устойчивость к английскому влиянию. Предполагалось также, что освоенность англицизма определяется не только частотой употребления, но и степенью его морфологической и ассоциативной интеграции.

Новизна работы состоит в том, что англицизмы впервые выделяются на казахском ассоциативном материале по первоисточнику слова, а не по языку, из которого слово пришло непосредственно, а понятие ниши получает простое измеримое выражение – долю англицизмов среди всех реакций на стимул.

Описание материалов и методов

Материалом исследования послужил казахский ассоциативный словарь [14], построенный по результатам свободного ассоциативного эксперимента: 1 000 слов-стимулов, 556 543 реакции; респонденты – казахоязычные студенты 17-25 лет из вузов пяти регионов Казахстана. Принципиально важно, что составители сохранили орфографические и графические варианты реакций без нормализации: именно это делает словарь пригодным для анализа графических стратегий адаптации.

Выбор ассоциативного словаря в качестве основного источника данных обусловлен его способностью фиксировать организацию языкового сознания. В отличие от текстовых корпусов, отражающих употребление слов в конкретных коммуникативных ситуациях, свободный ассоциативный эксперимент выявляет спонтанные когнитивные связи между лексическими единицами. Благодаря этому становится возможным исследовать не только распространённость англицизмов, но и степень их включённости в структуру ментального лексикона, что особенно важно при анализе освоения заимствований.

Англицизмы выявлялись по чётким формальным критериям и определялись по первоисточнику слова – по языку, в котором слово возникло, независимо от языка-посредника. К англицизмам отнесены: (а) все латинографические единицы реакций, за вычетом латинизированных казахстанских онимов (*kaspi, air astana, ninety one* и под.); (б) кириллические единицы, восходящие к английским словам-первоисточникам, – по курируемому списку из ~190 основ с учётом казахской аффиксации (*интернетке, гаджеттер, бизнестен*). Омографы отсекались запретительным списком (каз. *мемлекет* ≠ *мем*, *бар* «есть» ≠ *англ. bar*, *тостаган* ≠ *тост*), сбой автоматического извлечения – фильтром невозрастания частот, конститутивного для ассоциативных словарей. Подчеркнём отличие от предшествующего этапа нашего исследования, где заимствования группировались по языку непосредственного вхождения: слова, пришедшие в казахское языковое сознание через русское посредство (*интернет, инстаграм, футбол*), в настоящей работе рассматриваются как англицизмы, поскольку их первоисточник – английский язык. Интернационализмы греко-латинского происхождения (*телефон, университет*) в выборку не включались.

Обработке подверглись 1 000 словарных статей (полнота охвата корпуса – свыше 99%, точность извлечения частот – 97–98%). Аналитические процедуры включали подсчёт в трёх измерениях: сколько разных англицизмов встретилось (лексемы), в скольких парах «стимул – реакция» они зафиксированы (вхождения) и сколько раз они употреблены всеми респондентами в сумме (словоупотребления). Далее рассчитывалось отношение числа разных слов к числу словоупотреблений (чем оно ниже, тем чаще повторяется каждое слово, то есть тем прочнее слой укоренён); выполнялась классификация по графике (кириллица / латиница); кириллические единицы разделялись по времени вхождения

– советский слой, пришедший через русский язык до 1991 г., и новейший слой; единицы распределялись по восьми тематическим сферам. Наконец, проводился анализ ниш: для каждого стимула вычислялась доля реакций-англицизмов среди всех его реакций, а для терминов цифровой сферы – состав конкурирующих наименований.

Результаты

Объём английского слоя. В ассоциативно-вербальной сети выявлено 766 различных англицизмов в 1 749 парах «стимул – реакция»; суммарно они употреблены респондентами 5 952 раза, что составляет 1,06% всех реакций словаря (таблица 1). На фоне совокупной доли всех заимствований 7,36%, установленной на предшествующем этапе нашего исследования, это означает, что собственно английский по происхождению слой образует лишь около одной седьмой заимствованного пласта: контактное давление на казахский ментальный лексикон по-прежнему формируется преимущественно русским каналом, тогда как английский слой количественно компактен, но структурно своеобразен.

Таблица 1. Сводные показатели англицизмов в ассоциативно-вербальной сети

<i>Показатель</i>	<i>Кириллизированные</i>	<i>Латинизированные</i>	<i>Всего</i>
Разных слов (лексем)	131 (17,1%)	635 (82,9%)	766
Словоупотреблений (сумма частот всех реакций)	5 063 (85,1%)	889 (14,9%)	5 952
Отношение числа разных слов к числу словоупотреблений	0,026	0,714	0,129
Среднее число употреблений одного слова	38,6	1,4	7,8
Доля среди всех реакций словаря	0,90%	0,16%	1,06%

Полученные количественные показатели позволяют сделать два наблюдения. Во-первых, несмотря на сравнительно небольшую долю английского слоя в общем объёме словаря, его представленность нельзя считать маргинальной: более семисот различных лексем свидетельствуют о высокой вариативности английского компонента языкового сознания. Во-вторых, разрыв между числом разных слов и числом словоупотреблений показывает, что освоение англицизмов неоднородно: лишь ограниченная часть единиц становится высокочастотной, тогда как большинство функционирует эпизодически. Такое распределение соответствует общей закономерности развития заимствованной лексики: первоначальное разнообразие постепенно сменяется закреплением ограниченного числа наиболее востребованных единиц.

Два способа написания. Слои в кириллической и латинской графике устроены противоположным образом (таблица 1, рисунок 1). Кириллический слой – узкое, но глубоко укоренённое ядро: всего 131 слово покрывает

85% всех словоупотреблений английского происхождения, а каждое слово употреблено в среднем 38,6 раза. Его вершину образуют *интернет* (698 реакций при 40 стимулах), *бизнес* (552; 67 стимулов – самый «широкий» англицизм корпуса), *спорт* (385), *инстаграм* (295), *компьютер* (225), *футбол* (214), *фильм* (177), *ватсап* (128), *айфон* (113), *офлайн* (109), *ноутбук* (107), *бургер* (94), *селфи* (72), *тикток* (55), *макбук* (44). Слой в латинской графике зеркально иной: 635 разных слов (83% всего списка англицизмов) дают лишь 889 словоупотреблений, то есть каждое слово упоминается в среднем 1,4 раза; его относительные вершины принадлежат новейшей цифровой зоне – *google* (31), *gpt / chat gpt* (28), *it* (12) – и глобальным брендам (*btw*, *lexus*, *apple*, *qr*, *smm*).

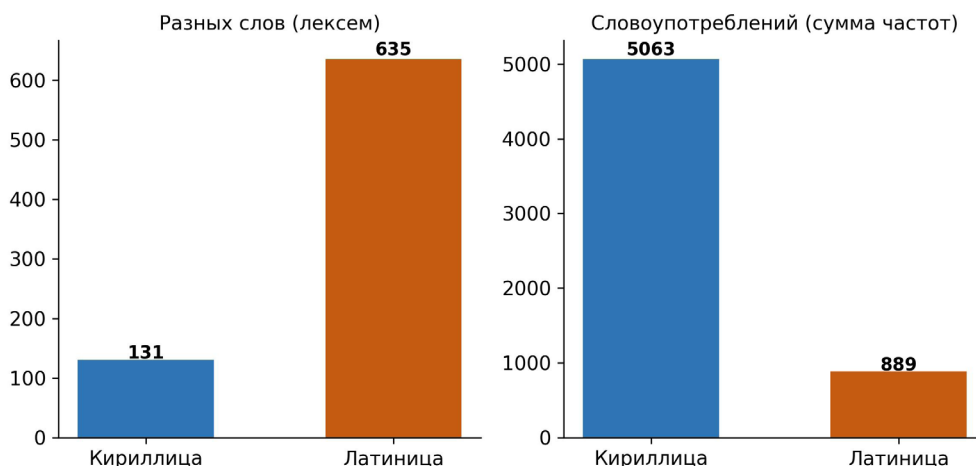

Рисунок 1 – Два способа написания англицизмов: разнообразие слов против частоты употребления

Внутри латинского слоя выделяется особый феномен – переводные (трансляционные) реакции, в которых респондент отвечает на казахский стимул его английским учебным эквивалентом: ЭЙЕЛ → *woman*, СӘРСЕНБІ → *wednesday*, ТАҚЫРЫП → *topic*, ЖЕҢГЕ → *sister-in-law*, БЕСІК → *crib*, ҚЫМЫЗ → *milk*, АРУАҚ → *ghost*, ҰЯЛУ → *ashamed*. Такие реакции свидетельствуют не о заимствовании как факте системы, а об активном учебном казахско-английском билингвизме выборки: английское слово когнитивно доступно, но не встроено в казахскую номинацию. Пограничные случаи смешанной графики и языковой игры (*поднимает настроение*, *стучать* при стимуле ДОМБЫРА; *фб аккаунт*), а также графическое варьирование одного неологизма в пределах одного поля: *chat gpt / чат gpt / чат gпт / чат джипити* (стимул ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ) – прямое свидетельство активной фазы освоения, когда узус ещё не выбрал форму.

Выявленная двухступенчатая организация английского слоя отражает разные стадии адаптации заимствованной лексики. Сохранение оригинальной латинской графики характерно преимущественно для недавно появившихся единиц, связанных с цифровой средой и глобальными

интернет-платформами. Напротив, кириллические формы демонстрируют завершённый цикл графической адаптации и функционируют как обычные элементы казахского словаря, свободно вступая в словообразовательные и грамматические отношения. Графическая форма, таким образом, выступает индикатором глубины когнитивной интеграции англицизма.

Морфологическая интеграция. О глубине укоренения кириллизированного слоя говорит свободная казахская словоизменительная и словообразовательная активность англицизмов: падежные и притяжательные формы *интернетке* (стимул ЖАРИЯЛАУ), *инстаграмға* (ҒАЛАМТОР), *бизнестен* (ДАҒДАРЫС), *фильмі* (ДӘСТҮР); формы множественного числа *гаджеттер* (ЗАМАН), *роботтар* (ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ), *шоулар* (БАҒДАРЛАМА), *блогерлер* (ҒАЛАМТОР); гибридная деривация с казахским суффиксом деятеля *спортшы* (АТАҚТЫ) при параллельном русизме *спортсмен*; адъективация *спорттық*, *компьютерлік*. Показательно, что англицизм нередко входит в сознание сразу со словообразовательным гнездом (*тиктокер*, *блогер* – *блогерлер*, *футболист*, *лидерство*, *чемпионат*).

Слои по времени вхождения. Разделение кириллических единиц по времени вхождения даёт симметричную картину: советский слой, пришедший через русский язык, – 37 слов и 2 461 словоупотребление (*спорт*, *футбол*, *фильм*, *компьютер*, *доллар*, *лидер*, *клуб*, *парк*, *лифт*, *джинсы*); новейший слой – 94 слова и 2 602 словоупотребления (*интернет*, *инстаграм*, *ватсап*, *айфон*, *офлайн*, *ноутбук*, *селфи*, *гугл*, *тикток*, *аккаунт*, *лайк*, *вайб*, *хайп*, *челлендж*). Новейшая волна при вдвое большем типовом разнообразии уже догнала советскую по суммарной укоренённости: смена доминирующего источника пополнения видна внутри одного синхронного среза.

Распределение по тематическим сферам. Половина укоренённого слоя (50,5% словоупотреблений) сосредоточена в сферах интернет-коммуникации (1 732 употребления; 35 слов) и цифровых технологий (823; 18); вместе с бизнес-экономической сферой (1 071; 24) они покрывают 71,7% словоупотреблений. Далее следуют спорт (782; 15) и культурно-развлекательная сфера (300; 16); бытовая периферия частотно маргинальна: единственная укоренённая гастрономическая единица – *бургер* (94), тогда как *худи*, *смузи*, *ланч*, *чизкейк* фиксируются единично.

Выраженная концентрация англицизмов в цифровых сферах закономерна: именно эти области отличаются наибольшей скоростью появления новых реалий и, соответственно, постоянной потребностью в средствах наименования, а английский язык как ведущий язык международной цифровой коммуникации становится естественным источником пополнения. Напротив, традиционные сферы культуры – семейные отношения, национальные обычаи, природа, базовые ценности – обладают значительно большей номинативной устойчивостью: их понятийная система складывалась на протяжении длительного исторического периода и не испытывает потребности в массовом привлечении английской лексики. Заимствования возникают прежде всего там, где появляются новые объекты,

технологии и формы социальной практики; следовательно, распространение англицизмов определяется не снижением жизнеспособности казахского языка, а объективной потребностью в оперативном наименовании нового.

Лингвозекологические ниши. Под нишей мы понимаем позицию англицизма в ассоциативном поле стимула, измеряемую его долей среди всех реакций. Максимальная доля англицизмов наблюдается у стимулов двух типов: у самих англицизмов-стимулов, чьи поля строятся из единиц того же контактного гнезда (ВАЙФАЙ – 41,5%, АККАУНТ – 39,2%, ОНЛАЙН – 36,0%, НОУТБУК – 33,9%, ЧАТ – 23,5%), и у казахских плановых терминов цифровой сферы, поля которых насыщены англицизмами-конкурентами (ӘЛЕУМЕТТІК ЖЕЛІ – 57,2%, ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ – 38,5%, КӘСІПКЕР – 33,8%, ҒАЛАМТОР – 33,5%). Показателен «парадокс гаджета»: по совокупной доле всех заимствований поле стимула ГАДЖЕТ – лидер словаря (70,9% по данным предшествующего этапа нашего исследования), однако собственно англицизмов в нём лишь 11,4% (64 из 560 реакций): поле держится интернационализмом *телефон* (280), тогда как английские *айфон* (15), *смартфон* (15) образуют лишь второй ряд поля. Совокупное заимствованное давление и собственно английское давление, таким образом, – разные измерения, требующие раздельного учёта.

Таблица 2. Конкуренция номинаций в ассоциативных полях терминов цифровой и деловой сферы

Стимул	Англицизмы в поле (число употреблений)	Исконные и плановые казахские единицы (число употреблений)	Доля англи- цизмов
ҒАЛАМТОР	интернет 116(+2)	желі 46, ақпарат 32	33,5%
ИНТЕРНЕТ	-	желі 129, ғаламтор 33(+1)	-
ӘЛЕУМЕТТІК ЖЕЛІ	интернет 119, инста- грам 101, Тик Ток 40, ватсап 14	желі 5	57,2%
ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ	робот 134(+4), gpt- кластер 25	технология 17, ИИ 10	38,5%
КӘСІПКЕР	бизнес 126, бизнесмен 57	кәсіп 17, кәсіпкер 13, іскер 10	33,8%
ВАЙФАЙ	интернет 193	ғаламтор 23, желі 33	41,5%
АЙТЫС	баттл, рэп баттл, қазақша баттл (3)	основное поле исконное	0,9%
СӘУКЕЛЕ (контроль)	-	баскиім 102, ұзату 55, тақия 20	0%

Центральный результат нишевого анализа – асимметрия пары ҒАЛАМТОР ↔ ИНТЕРНЕТ: пуристический термин опознаётся в сознании молодёжи прежде всего через заимствование (*интернет* – самая частотная реакция, 116), тогда как обратный путь втрое слабее (*ғаламтор* как реакция на ИНТЕРНЕТ – 33). Аналогично КӘСІПКЕР: треть поля занята кластером

бизнес / бизнесмен, а исконные *kәсіп, іскер* суммарно уступают ему почти в семь раз. Противоположный полюс – зоны нулевого проникновения: 343 стимула из 1 000 (34,3%) не содержат ни одного англицизма, и среди них практически весь родственно-обрядовый и традиционно-культурный кластер (АТА, ӘЖЕ, БАТА, БӘЙБІШЕ, БЕТАШАР, ЖЕТІ АТА, КІІЗ ҮЙ, ҚҰДА, НАҒАШЫ, НАУРЫЗ, СӘУКЕЛЕ, ШАҒЫРАҚ). Ещё показательнее почти-нулевые поля: единичные «проникновения» в них (БЕСІК → *crib* 1, ҚЫМЫЗ → *milk* 1, АРУАҚ → *ghost* 2) являются переводными учебными реакциями, а не заимствованиями; точечное исключение – вторжение молодёжной номинации *баттл* в поле традиционного жанра АЙТЫС.

Обсуждение

Полученные данные позволяют сформулировать двухступенчатую модель освоения англицизма языковым сознанием, эмпирически конкретизирующую классификации степеней адаптации, разработанные на текстовом материале [7; 8]. Первая ступень – «входной поток» в латинской графике: широкий (83% разных слов), но поверхностный (каждое слово употреблено в среднем 1,4 раза), не освоенный языком, наполовину состоящий из брендов и вкраплений английской речи. Вторая ступень – компактное кириллическое ядро, встроенное в казахскую грамматику вплоть до гибридного словообразования (*спортшы*) и сконцентрированное в сферах модернизации. Переход между степенями наблюдаем в реальном времени: тройное графическое варьирование неологизма *chat gpt* в одном ассоциативном поле фиксирует единицу в момент кириллизации – что согласуется с выводами о графико-фонетической вариативности англицизмов в речевых инновациях молодёжи [9].

Феномен переводных реакций имеет самостоятельное методологическое значение: без его учёта показатели «англизации» языкового сознания оказываются завышенными. Реакции типа ӘЙЕЛ → *woman* отражают доступность английского учебного эквивалента, а не англоизацию казахской номинации; их источник – образовательный билингвизм студенческой выборки, а не языковой контакт в узком смысле. Для лингвоэкологического мониторинга это означает необходимость различать номинативное проникновение (заполнение или захват ниши) и билингвальную ко-активацию (параллельный доступ к двум кодам без замещения).

Нишевый анализ уточняет тезис о приоритете исконного термина при конкуренции с заимствованием [8]: на уровне кодифицированного узуса плановые термины *ғаламтор, әлеуметтік желі, жасанды интеллект* действительно функционируют полноценно – они освоены как стимулы и дают богатые поля. Однако ассоциативное наполнение этих полей остаётся контактным: термин «живёт на подпорке» англицизма, опознаваясь через него (асимметрия ҒАЛАМТОР ↔ ИНТЕРНЕТ). Экологический диагноз английского давления на казахский ментальный лексикон, следовательно, – не эрозия системы (ср. вытеснение исконных единиц в иных контактных

каналах [10]), а локальная конкуренция в нишах новой референции при полной сохранности традиционного ядра (34,3% стимулов без единого англицизма). Разрыв между понятийной освоенностью планового термина и его ассоциативной зависимостью от заимствования задаёт измеримый индикатор эффективности терминологического планирования, дополняющий узуальные метрики.

Полученная картина согласуется с социолингвистическими наблюдениями над мотивами употребления англицизмов казахстанской молодёжью – модой, престижностью, экспрессивностью и удобством [4; 5], – но показывает их когнитивную изнанку. Мода и престиж обеспечивают широкий «вход»: обилие латинографических единиц с минимальной частотой. Однако в укоренённое ядро проходят лишь единицы, отвечающие реальной номинативной потребности. Иными словами, социальная привлекательность открывает англицизму дверь в языковое сознание, но закрепляет его там функциональная необходимость.

С позиций лингвоэкологии полученные результаты свидетельствуют о селективном характере английского языкового влияния. Англицизмы не распределяются равномерно по всему ментальному лексикону, а концентрируются в ограниченном числе тематических областей, связанных с инновационной деятельностью человека. Это позволяет говорить о формировании локальных лингвоэкологических ниш, внутри которых английские наименования дополняют существующую систему обозначений, не разрушая её базовую структуру. Отсутствие сколько-нибудь заметного числа англицизмов в концептах, отражающих национальную культуру, традиции, семейные отношения и природный мир, свидетельствует о сохранении устойчивости культурного ядра казахского языкового сознания.

Таким образом, процессы англизации следует рассматривать не как линейное вытеснение национальной лексики, а как результат адаптации языка к новым коммуникативным условиям. В этом отношении данные ассоциативного словаря позволяют оценивать не только масштабы заимствования, но и степень гармоничности взаимодействия национального и глобального компонентов современного языкового сознания.

Ограничения исследования: англицизмы выделены по первоисточнику слова, а не по языку непосредственного вхождения, поэтому показатели двух этапов сопоставимы по смыслу, но не поэлементно; курируемый список кириллических основ – экспертное решение, открытое для пополнения; латинографический слой включает единичные неанглийские латинизации (вклад менее 1% словоупотреблений); точность автоматического извлечения частот из типографского оригинала – 97–98%; выводы характеризуют языковое сознание студенческой молодёжи 17-25 лет и не экстраполируются на другие возрастные группы.

Заключение

Исследование впервые охарактеризовало слой слов английского происхождения в языковом сознании казахоязычной молодёжи в полном

объёме ассоциативно-вербальной сети. Установлено, что слой компактен (766 слов; 1,06% всех реакций – около одной седьмой всего заимствованного пласта), но имеет двухступенчатое строение: широкому неосвоенному входному слою в латинской графике противостоит узкое кириллическое ядро, на которое приходится 85% всех употреблений. Освоение идёт по пути «латинское написание → переход на кириллицу → встраивание в казахскую грамматику → образование производных слов», причём новейшая волна (после 1991 г.) уже сравнялась со словами советского периода по общему числу употреблений при вдвое большем разнообразии. Давление локализовано: 71,7% укоренённого слоя приходится на три модернизационных домена, тогда как треть стимулов – прежде всего традиционно-культурная зона – полностью свободна от англицизмов. Конкуренция с плановыми терминами выявила асимметрию, значимую для языковой политики: термины освоены понятийно, но ассоциативно опираются на заимствования. Исследовательская гипотеза, таким образом, подтвердилась в обеих частях: английское влияние избирательно сосредоточено в сферах модернизации при устойчивости национально-культурного ядра, а глубина освоения англицизма определяется совокупностью частотных, графических и морфологических признаков, а не одной лишь употребительностью. Из результатов вытекают практические рекомендации: терминологическим комиссиям целесообразно отслеживать не только употребительность планового термина в текстах, но и его ассоциативную самостоятельность в языковом сознании; в языковом образовании – целенаправленно укреплять связь казахских терминов цифровой сферы с живым казахским лексическим окружением. Перспективы исследования – сопоставление с ассоциативными данными конца XX века [13] и параллельный анализ русского канала на том же материале.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках проекта программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН BR24993133 «Исследование казахского языка в лингвосинергетическом, лингвоэкологическом, лингводидактическом аспектах и его функция в разработке лингвистических основ учебного текста».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Haugen E. The Ecology of Language. – Stanford: Stanford University Press, 1972. – 366 p.
- [2] The Routledge Handbook of Ecolinguistics / ed. by A. Fill, H. Penz. – New York: Routledge, 2018. – 490 p.
- [3] Сковородников А.П. Экология русского языка: монография. – Красноярск: СФУ, 2016. – 388 с.
- [4] Набидуллин А., Ордабаев Ч.К. Влияние заимствований английского языка на культуру и речь казахстанской молодежи // Вестник КазНПУ имени

Абая. Серия: Филологические науки. – 2021. – №2 (76). – С. 29-37. DOI: 10.51889/2021-2.1728-7804.04.

[5] Жумагулова Н., Степаненко Е., Сабитова Р. Роль англицизмов в формировании языковой картины мира современной молодёжи // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. – 2026. – №1. – С. 67-83. DOI: 10.59102/kufil/2026/iss1pp67-83.

[6] Жусубалина Ж.М., Тлеубердиев Б.М. Заманауи англицизмдерді медиамәтіндер арқылы оқыту // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия: Филологические науки. – 2022. – Т. 65, №2. – С. 233–249. DOI: 10.48371/PHILS.2022.65.2.018.

[7] Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

[8] Жунусова А.С., Айдарбек К.Ж., Шильдебаева Л.К. Функциональный аспект англицизмов в казахской терминосистеме бизнеса // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия: Филологические науки. – 2025. – №3 (78). – С. 131-148. DOI: 10.48371/PHILS.2025.3.78.008.

[9] Антонова Е.М., Богданова А.А. Речевые инновации молодёжи: деривационный аспект // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия: Филологические науки. – 2026. – Т. 80, №1. DOI: 10.48371/PHILS.2026.1.80.002.

[10] Карагулова Б.С., Қайрат А., Мухтарова С.С. Қазақ және түрік тілдеріндегі қазіргі арабизмдердің трансформациясы мен қолданыс ерекшеліктері // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия: Филологические науки. – 2026. – Т. 81, №2. DOI: <https://doi.org/10.48371/PHILS.2026.2.81.014>

[11] Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – Т. 1. – 780 с. – Т. 2. – 991 с.

[12] Aitchison J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. – 4th ed. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. – 336 p.

[13] Дмитриук Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. – Переизд. Шымкент-Москва, 1998. <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>

[14] Фазылжан А.М., Абаева М.Қ., Дмитриук Н.В., Сарыбай М.Ш., Назарова Ә.Ж., Қазақбаева Ш., Чукаева Т., Пиязбаева А., Дүйсен Қ., Махамбет А., Саги Е. Қазақ ассоциат-сөздер лұғаты. – Алматы: «Қазақ кітабы» баспасы, 2025. – 544 б.

REFERENCES

[1] Haugen E. The Ecology of Language. – Stanford: Stanford University Press, 1972. – 366 p.

[2] The Routledge Handbook of Ecolinguistics / ed. by A. Fill, H. Penz. – New York: Routledge, 2018. – 490 p.

[3] Skovorodnikov A.P. Ekologija russkogo jazyka: monografija [Ecology of the Russian Language: monograph]. – Krasnojarsk: SFU, 2016. – 388 s. [in Rus.]

[4] Nabidullin A., Ordabaev Ch.K. Vlijanie zaimstvovanij anglijskogo jazyka na kul'turu i rech' kazahstanskoj molodezhi [The influence of English borrowings on the culture and speech of Kazakhstani youth] // Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija: Filologicheskie nauki. – 2021. – №2 (76). – S. 29-37. DOI: 10.51889/2021-2.1728-7804.04. [in Rus.]

[5] Zhumagulova N., Stepanenko E., Sabitova R. Rol' anglicizmov v formirovanii jazykovoj kartiny mira sovremennoj molodjozhi [The role of anglicisms in shaping the linguistic worldview of modern youth] // Vestnik Kokshetauskogo universiteta im. Sh. Ualihanova. Serija filologicheskaja. – 2026. – № 1. – S. 67–83. DOI: 10.59102/kufil/2026/iss1 [in Rus.]

[6] Zhusubalina Zh.M., Tleuberdiev B.M. Zamanau anglicizmderd mediamətinder arqyly oqytu [Teaching modern anglicisms through media texts] // Izvestija KazUMOimJa imeni Abylaj hana. Serija: Filologicheskie nauki. – 2022. – T. 65, №2. – S. 233–249. DOI: 10.48371/PHILS.2022.65.2.018. [in Kaz.]

[7] Krysin L.P. Russkoe slovo, svojo i chuzhoe [The Russian word, native and foreign]. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 888 s. [in Rus.]

[8] Zhunusova A.S., Ajdarbek K.Zh., Shil'debaeva L.K. Funkcional'nyj aspekt anglicizmov v kazahskoj terminosisteme biznesa [Functional aspect of anglicisms in the Kazakh business terminology system] // Izvestija KazUMOimJa imeni Abylaj hana. Serija: Filologicheskie nauki. – 2025. – №3 (78). – S. 131-148. DOI: 10.48371/PHILS.2025.3.78.008. [in Rus.]

[9] Antonova E.M., Bogdanova A.A. Rechevyje innovacii molodjozhi: derivacionnyj aspekt [Speech innovations of youth: derivational aspect] // Izvestija KazUMOimJa imeni Abylaj hana. Serija: Filologicheskie nauki. – 2026. – T. 80, №1. DOI: 10.48371/PHILS.2026.1.80.002. [in Rus.]

[10] Karagulova B.S., Qajrat A., Muhtarova S.S. Osobennosti transformacii i ispol'zovanija sovremennyh arabizmov v kazahskom i tureckom jazykah [Features of transformation and use of modern Arabisms in Kazakh and Turkish] // Izvestija KazUMOimJa imeni Abylaj hana. Serija: Filologicheskie nauki. – 2026. – T. 81, №2. DOI: 10.48371/PHILS.2026.2.81.014. [in Rus.]

[11] Karaulov Ju.N., Cherkasova G.A., Ufimceva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Russkij associativnyj slovar': v 2 t. [Russian Associative Dictionary: in 2 vols.]. – M.: AST-Astel', 2002. – Vol. 1. – 780 p. – Vol. 2. – 991s. [in Rus.]

[12] Aitchison J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. – 4th ed. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. – 336 p.

[13] Dmitryuk N.V. Kazahsko-russkij associativnyj slovar' [Kazakh-Russian Associative Dictionary]. – Shymkent; M., 1998. <http://dmitryuk-nv.livejournal.com> [in Rus.]

[14] Fazylzhan A.M., Abayeva M.K., Dmitryuk N.V., Sarybay M.Sh., Nazarova A.Zh., Kazakbaeva Sh., Chukaeva T., Piyazbaeva A., Duysen K., Makhambet A., Sagi E. Qazaq associat-sözder luğaty [Kazakh Dictionary of Associated Words]. – Almaty: “Kazak kitaby” baspasy, 2025. – 544 b. [in Kaz.]

ҚАЗАҚ ЖАСТАРЫНЫҢ ТІЛДІК САНАСЫНДАҒЫ АНГЛИЦИЗМДЕР: БЕЙІМДЕЛУ СТРАТЕГИЯЛАРЫ ЖӘНЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯЛЫҚ ТАУАШАЛАР (АССОЦИАТИВТІК СӨЗДІК ДЕРЕКТЕРІ БОЙЫНША)

Абаева М.Қ.¹, *Хабиева А.А.², Исалиева А.А.³

^{1, *2}А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты, Алматы, Қазақстан

³Жәңгір хан атындағы Батыс Қазақстан аграрлық-техникалық университеті
Орал, Қазақстан

Аңдатпа. Цифрландыру мен үштілділік саясаты жағдайында ағылшын-қазақ тілдік байланысының қарқын алуы англицизмдердің тек қолданыста ғана емес, тілдік санада қаншалықты орныққанын анықтауды өзекті етеді. Зерттеудің мақсаты – қазақ тілді жастардың менталды лексиконындағы ағылшын тілінен бастау алатын кірме сөздердің (англицизмдердің) көлемін, игерілу жолдарын және лингвоэкологиялық тауашаларын анықтау. Жұмыстың ғылыми маңызы кірме сөздердің бейімделуін талдауды мәтіндік материалдан ассоциативтік-вербалды желіге көшіруінде; практикалық маңызы нәтижелердің терминологиялық жоспарлау мен тіл саясатында қолданылу мүмкіндігінде. Материал ретінде қазақ ассоциативтік сөздігі алынды (1 000 стимул, 556 543 реакция; респонденттер – 17–25 жастағы студенттер). Әдіснама сөзді түпкі шығу тегі бойынша (аралық тілге қарамастан) анықтауды, реакциялар жиілігін санауды, тақырыптық салалар мен ену уақыты бойынша бөлуді және кірме сөз бен қазақ атауының бәсекесін талдауды қамтиды. Барлығы 766 англицизм анықталды; олар респонденттердің жауаптарында 5 952 рет қолданылған, бұл барлық реакциялардың 1,06%-ы. Екі жазу тәсілінің қарама-қарсы құрылымы анықталды: латын графикасындағы қабат әртүрлі сөздердің 83%-ын қамтығанмен, қолданыстардың тек 15%-ын береді; кириллицадағы қабат – керісінше. Орныққан қабаттың 71,7%-ы үш жаңғыру доменінде шоғырланған; стимулдардың 34,3%-ы англицизмдерден мүлдем таза. Бәсекелес жұптарда (ғаламтор – интернет, кәсіпкер – бизнес) жоспарлы термин ассоциативтік тұрғыда кірме сөзге сүйенетіні көрсетілді. Зерттеудің үлесі – англицизмнің тілдік санада игерілуінің екі сатылы моделі және лингвоэкологиялық тауаша ұғымына өлшенетін анықтама беру. Нәтижелер терминографияда, тілдік жоспарлауда және лингводидактикада қолданылады.

Тірек сөздер: англицизмдер, тілдік сана, ассоциативтік эксперимент, менталды лексикон, лингвоэкология, экологиялық тауаша, кірме сөздердің бейімделуі, қазақ тілі, жастар, тілдік жоспарлау

ANGLICISMS IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF KAZAKH YOUTH: ADAPTATION STRATEGIES AND LINGUOECOLOGICAL NICHE (BASED ON ASSOCIATIVE DICTIONARY DATA)

Abayeva M.K.¹, *Khabyeva A.A.², Issaliyeva A.A.³

^{1, *2}A. Baitursynuly Institute of Linguistics, Almaty, Kazakhstan

³Zhangir Khan West Kazakhstan Agrarian and Technical University
Ural, Kazakhstan

Abstract. The intensification of English-Kazakh language contact under digitalization and the trilingual policy makes it essential to determine how deeply anglicisms are rooted not only in usage but in the linguistic consciousness of Kazakh speakers. The study aims to establish the volume, adaptation strategies and linguoecological niches of anglicisms – words of English origin – in the mental lexicon of Kazakh-speaking youth. Its scholarly significance lies in transferring loanword-adaptation analysis from textual material to the associative-verbal network; its practical value lies in the applicability of the results to terminological planning and language policy. The data source is the Kazakh associative dictionary (1,000 stimuli, 556,543 reactions; respondents aged 17–25). The methodology combines identification of anglicisms by the ultimate origin of the word (regardless of the mediating language), counts of reaction frequencies, distribution across thematic spheres and periods of entry, and analysis of competition between borrowed and native names. A total of 766 anglicisms were identified; together they were used 5,952 times, or 1.06% of all reactions. An opposite organization of the two spelling strategies was established: the Latin-script layer covers 83% of the different words but only 15% of usage occurrences, whereas the Cyrillic layer covers 17% of the words and 85% of occurrences; 71.7% of the entrenched layer is concentrated in three modernization domains; 34.3% of stimuli are entirely free of anglicisms; in competing pairs (galamtor – internet, kasipler – business) the planned term is shown to rely associatively on the borrowing. The study contributes a two-stage model of anglicism entrenchment in the mental lexicon and provides a measurable definition of a linguoecological niche. The results are applicable in terminography, language planning and language teaching.

Keywords: anglicisms, linguistic consciousness, associative experiment, mental lexicon, linguoecology, ecological niche, loanword adaptation, Kazakh language, youth, language planning

Мақала түсті / Статья поступила / Received: 11.07.2026.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted: 25.09.2026.

Информация об авторах:

Абаева Мадина Кабылкызы – кандидат филологических наук, доцент, Институт языкознания имени А. Байтурсынулы, Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0001-6463-9354>, e-mail: madina.abayeva@gmail.com

Хабиева Алмагуль Алтаевна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Институт языкознания имени

А. Байтұрсынулы, Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-8622-021X>, e-mail: a.a.khabiyeva@bk.ru

Исалиева Айзада Айболатовна – магистр, Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана, Уральск, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0001-2463-8696>, e-mail: aiza_1080@mail.ru

Авторлар туралы мәлімет:

Абаева Мадина Қабылқызы – филология ғылымдарының кандидаты, доцент, А.Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты, Алматы, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0001-6463-9354>, e-mail: madina.abaeva@gmail.com

Хабиева Алмагүл Алтайқызы – филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты, Алматы, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0002-8622-021X>, e-mail: a.a.khabiyeva@bk.ru

Исалиева Айзада Айболатовна – магистр, Жәңгір хан атындағы Батыс Қазақстан аграрлық-техникалық университеті, Орал, Қазақстан, <https://orcid.org/0009-0001-2463-8696>, e-mail: aiza_1080@mail.ru

Information about the authors:

Abayeva Madina Qabylyzy – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, A.Baitursynuly Institute of Linguistics, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0001-6463-9354>, e-mail: madina.abaeva@gmail.com

Khabiyeva Almagul Altayevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, A.Baitursynuly Institute of Linguistics, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-8622-021X>, e-mail: a.a.khabiyeva@bk.ru

Issaliyeva Aizada Aibolatovna – Master, Zhangir Khan West Kazakhstan Agrarian and Technical University, Ural, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0001-2463-8696>, e-mail: aiza_1080@mail.ru